

Арабель Моро

Это и ещё
чуть-чуть

12+

Арабель Моро

Сто и еще чуть-чуть

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Моро А.

Сто и еще чуть-чуть / А. Моро — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Память народа хранит в себе удивительные, подчас невообразимые истории. Наши старики способны рассказать нам многое, но отчего-то мы редко хотим их слушать. Мы часто боимся задать своим близким вопросы, которые нас тревожат, а потом, когда задавать их уже некому, страстно жалеем об упущенных возможностях. Дорогой читатель, ты держишь в руках действительную биографическую повесть о тяжелой судьбе сильного человека.

© Моро А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

– Будешь пить? – спросила я у прабабушки.

Впервые за долгое время она пришла в состояние доброй памяти. Моей прабабушке сто лет с не большим, но заметным хвостиком. Она всегда была сильной и здоровой женщиной, но в последние месяцы сильно сдала, почти не поднималась с постели и все чаще находилась в состоянии сонного забытья. Теперь она мало, кого узнавала, и мало, что понимала. Впрочем, временами память возвращалась к ней. В такие моменты она с невообразимо доброй улыбкой протягивала свою руку тому, кто оказывался рядом, просила посидеть с ней немного.

Мою прабабушку звали Софья Ермолаевна. Примечательно, что в семье их было восемь детей, но половина из них носила отчество «Ермолаевна» и «Ермолаевич», а половина – «Ермиловна» и «Ермилович». Эта ошибка была сделана давным-давно при выдаче детям паспортов. Бабушка Соня всегда вспоминала этот факт с лукавой улыбкой. А как было правильно – «Ермолаевна» или же «Ермиловна» – она и сама не знала.

Я дала прабабушке немного воды и тихонько опустила на стул, что стоял рядом с ее кроватью. Она посмотрела на меня глубоким задумчивым взглядом. В который раз за последние месяцы я подумала о том, что же может содержать в себе этот взгляд? Какое богатство хранит ее память? Сто лет жизни! Шутка ли, прожить так долго?

Я медленно приподнялась, чтобы поправить сползавшее с кровати одеяло, но прабабушка, видимо, решившая, что я собираюсь уйти, потянулась ко мне. Я осторожно взяла ее за руку. Что это за рука! Кожа, которая всегда была мозолистой и огрубевшей от тяжелой работы, стала такой тонкой и нежной от старости. Мне казалось, что даже одно мое прикосновение может поранить ее. Хрупкая, худая рука прабабушки дрожала, и она едва слышно прошептала:

– Няньчишься со мной, как с ребенком.

Она хрипло закашлялась и замолчала. На лице ее появилась нежная и немного грустная улыбка.

– Меня ведь еще Николаша нянчил, – сказала она вдруг.

Я вспомнила, что раньше она часто так говорила. «Николаша» – так она в шутку называла последнего императора Российской Империи Николая II. Конечно же, сам он ее не нянчил, но детские годы прабабушки прошли при его правлении. Он стоял во главе страны, когда она лежала в колыбели, когда делала первые шаги, получая первые в своей жизни ссадины и синяки.

– Бабуль, а как это было? Ну, при Николае?

Почему-то я никогда раньше не задавала ей этот вопрос. За свою короткую жизнь я не застала даже советской власти, а тем более императорской, но мне всегда хотелось знать, как это было. Как жили люди тогда? Как они мыслили? Но отчего-то мне всегда было страшно задать этот вопрос прабабушке. Не знаю, чего конкретно я боялась. Может быть, причинить ей боль каким-нибудь неприятным воспоминанием? Не знаю. Мы часто боимся задать своим близким вопросы, которые нас тревожат, а потом, когда задавать их уже некому, страстно жалеем об упущенных возможностях.

Бабушка как-то по-особенному загадочно улыбнулась моему вопросу. Воспоминания нахлынули на нее, но я не торопила ее с ответом.

– Хорошо было, – сказала она. – Весело. Малая я совсем была, тогда-то, – тут она ненадолго замолчала, а потом добавила: – Мельница у нас была. Большая. Красивая такая.

Когда-то мне говорили, что отец бабушки Сони был весьма зажиточным человеком. У них имелся хороший, большой дом и, действительно, была своя мельница.

Тем временем бабушка продолжила:

– Они меня всё толстухой звали, а я плакала.

– Кто тебя так звал? – удивилась я.

– Мальчишки деревенские. Я ведь, и правда, толстушкой была. И глупой очень. На кой плакала? На кой обижалась?

Я посмотрела на худое, изможденное старостью и болезнью тело. Сейчас я никогда бы не поверила в то, что прабабушка была полной. Даже тогда, когда она только приехала к нам – почти двадцать лет назад – ее трудно было назвать толстой. Жизнь меняет людей и внутренне, и внешне.

Я заметила, что взгляд прабабушки погрузнел, а в уголках ее глаз появились маленькие слезинки.

– О чем ты сейчас думаешь? – спросила я, крепче сжимая ее трясущуюся руку.

– Страшно. Они идут. Надо прятать.

– Что прятать? Кто идет? – от таких слов я и сама испугалась.

– Большевики идут. Грабить будут. Папку бьют в кровь. Меня с сестрами в одних сорочках из окна бросили. Все разбили. Сломали. Сожгли дом. И мельницу тоже сожгли.

У нее по щекам текли слезы. Впрочем, и у меня тоже. Я на секунду представила себя на ее месте. Ей ведь тогда шел всего шестой год. Совсем ребенок! Что она тогда могла знать о политике? Что понимала в «раскулачивании»? Да, ничего. Как же должно быть страшно ребенку видеть, как избивают его родителей, тех, кто всегда казался ему такими сильными? Как это, видеть, как горит твой дом, казавшийся прежде нерушимой крепостью?

– Всю деревню пограбили и сожгли, – продолжала прабабушка. – Голыми всех в поезд затолкали и повезли.

– Куда повезли? – вздрагивая, спросила я.

– В Казахстан сослать хотели, да мы выпрыгнули.

– Выпрыгнули? – я вновь удивилась.

– Папка мой с дядькой шустрые были. Они и подговорили всех. Несколько семей нас было. Когда поезд стоял здесь, мы выпрыгнули, да бежали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.